

Н. В. Багичева

Екатеринбург, Россия

Образ Родины-матери в русском национальном менталитете

Аннотация. Есть ли связь между историей и менталитетом народа, как они взаимодействуют и влияют друг на друга, – такие вопросы затрагиваются в статье. Автор считает, что по характеру русский народ ближе к «женской природе» и относится к своей стране, Родине, как к матери. Приводится сравнение народа, населяющего Россию, с сыновьями и дочерьми, а Родины – с матерью. Дети хотят, чтобы их мать была счастлива, имела мужа, – хорошего отца для детей.

Ключевые слова: ментальность; менталитет; память народа; история; Родина-мать.

N.V. Bagicheva

Ekaterinburg, Russia

Image of Motherland in the Russian National Mentality

Abstract. Is there any connection between history and mentality of people? How do they interact and influence each other? These questions are touched upon by the author of this article. The author thinks that Russian people are closer to “female nature” and treat their country as the mother. Comparison of Russian people with sons and daughters, while the country is their Mother, is quite typical. Children want to see their mother happy and they wish her a husband – a good father for them.

Key words: mentality; mindset; memory of people; history; Motherland.

Термины *ментальность*, *менталитет*, *концепт*, *языковая картина мира* весьма прочно обосновались в трудах по когнитивной лингвистике. Всеми лингвистами и философами признается тот факт, что «менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в пределах мышления» (И.А. Стернин). Однако попытки лингвистов и философов однозначно ответить на вопрос, влияет ли менталитет на ход истории, «смысложизненные ориентиры поведения» (В.И. Карасик) или, наоборот, опыт и поведение человека и социальных групп определяются менталитетом, пока успехом не увенчались. «Если мы признаем, что существуют культурные различия и они фиксируются в языке, то получается, что язык определенным образом влияет на поведение людей» [Карасик 2005: 20].

Менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, а история – это не только *свидетельства* историков, это и *вымыслы* историков, своеобразная корректировка произошедшего: вместо *так было* – *так должно быть*. В истории бывало всякое, но мы всегда помним, как должно быть. Концепт не константа. Концепт обладает изменчивостью, это не только память, но и живое сознание, которое, выраженное в языке, может менять исход дела или хотя бы представление о нем. История расширяет пределы нашего бытия, ментальность расширяет пределы нашего сознания до уровня концепта.

«История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческого, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется, и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях» (Н.М. Карамзин). *Примесь лжи* – что это? Может, наращивание смысла за счет изменившейся ментальности, что, в свою очередь, возникает из-за корректировки восприятия действительности существующих в сознании представлений «*как должно быть*»? Кстати, высказывание Н.М.Карамзина удачно иллюстрируется сегодняшним рекламным слоганом, сопровождающим президента Медведева на телеканале «Россия»: «Россия выбрала будущее. Время выбирать прошлое».

Для русского менталитета является традиционным метафорическое сопоставление России, Родины с матерью: *Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью, Стать за честь твою Против недруга, За тебя в нужде Сложить голову!* (И.С.Никитин «Русь»); – *Эх ты, эсесерша наша мать!* – кричал в радости один забвенный мужик (А. Платонов). Это происходит по той причине, что слово *мать* обладает очень яркими ассоциативными семами: «любящая, самая родная и любимая, не способная предать свое дитя».

Г.Д. Гачев отмечает одну интересную особенность русского менталитета (Космо-Психо-Логоса): «Как эллинская Гея рождает себе Урана-небо, который ей сын, и супруг, так и мать–сыра земля Россия рождает русский народ, который ей и сын, и муж» [Гачев 1995: 217]. Лики *сестры и матери, весталки и блудницы* (М. Волошин) соединяются не только в облике женщины, но и матери, но и Родины-матери. Отражение этого находим в литературе: *Как женщину, ты родину любил ... Взывая к жизни новой, И светлый рай, и перлы для венца Готовил ты любовнице суровой* (Н. Некрасов); *Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать* (В. Лебедев-Кумач); *Сестра и мать моя! Жена моя! Россия!* (К. Бальмонт); *Русь – Сама себе мать и дитя, И судья, и творец, и палач* (Л. Ладейщикова). В России, по утверждению Г.Д. Гачева, женское начало обслуживается двумя мужскими – народом и Государством. Государство символизировали государственные деятели, начиная с *царя-батюшки*. Ср. зафиксированное в летописях: *Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного* [Карамзин 1988: 171]. На материнско-женской стороне выступает и народ, несмотря на то, что слово это мужского рода. О «женской натуре русского народа» говорил еще Н. Бердяев.

В эпохи социальных потрясений (например, в наше время) материнская семья предстает неполной. В такие периоды Россия – *сирота, вдова*: – *Охаживай, ребята, наше царство-государство: она незамужняя!* – *Она девка или вдова?* – спросил на ходу танца окрестный гость (А.Платонов «Чевенгур»); *Государство наше – вдова слыш-*

*ком самолюбивая и крутая (Ю.Галкин, В.Стеценко); То ли жена **Россия**, то ль **вдовица**. Куда ни глянь – хозяйской нет руки: Худая кровля, капает водица В пустые миски – вপুর выть с тоски (Л. Савинская).*

Так, в «Истории государства Российского» при описании событий конца XVI века Россия представлена *сиротой*, лишившейся *отца* – царя и возлагающей надежды на *мать* – царицу: *Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой царице-матери, которая еще спасала **Россию от сиротства совершенного*** [Карамзин 1988: 683].

В русском национальном менталитете с особой силой проявляется стремление сыновей и дочерей Родины-матери обрести полную семью, то есть найти матери мужа, а себе отца. В советское время, когда был уничтожен традиционный семейный уклад, когда возникла и стала активно насаждаться псевдосемейная культура, вместо реальной матери у советского народа была легендарная, многострадальная Родина-мать: ***Мать Россия! Тебе мои песни, – О немая, суровая мать!*** (А.Белый). Вместо отца – государственные деятели, и самым главным отцом был, конечно, «отец народов» Сталин.

Ханс Гюнтер (ФРГ, г. Билефельд), анализируя создание мифа 30-х годов о советских летчиках («сталинских соколах»), отмечает, что в средствах массовой информации того времени постоянно подчеркивалась мысль о том, что летчики – сыновья не только Сталина, «великого отца», но и «матери» Родины (страны, родной земли, Москвы). ***«Как нежная мать, – говорится в передовице «Правды», – следила страна за полетом своих сынов, радовалась успехам летчиков и с нетерпением ждала от них сведений... Как бензин питает мотор самолета, так сердца летчиков питались той чудесной силой, которую слала им **родина-мать**».*** «Отец» строг, «мать» – нежна, и это создает атмосферу Большой Семьи. И если «отец» занят воспитанием, закалкой «сыновей», то «мать» дает им те ценности, которые может дать семья малая, то, что лежит в сфере эмоциональной, биологической. Так политико-идеологическая Большая Семья была поставлена над естественнобиологическими Малыми Семьями (вспомним Павлика Морозова) [Гюнтер 125].

В настоящее время «семейный» статус России неясен, однако она по-прежнему является матерью в сознании большинства россиян. Ситуация не нова, такое уже было в начале прошлого века: *От этой России временами хотелось бежать без оглядки. Но редко кто на это решался. Ведь нищенку мать любят и в горьком ее унижении* (К.Паустовский). Наше сознание пытается найти достойного отца народу и мужа стране. После царя-батюшки, «учителя, друга, отца» Ленина (который как-то сразу трансформировался в *дедушку Ленина*) и «отца народов» Сталина (который оказался *не отцом и даже не отчимом*) место рядом с матерью Россией вакантно. Ни один советский лидер не был определен концептуально как достойный отец («рулила» в стране партия). Как тут не вспомнить А.С. Грибоедова: *Где, укажите нам, отечества отцы, Которых мы должны принять за образцы?* Почему же не складывается «семейная жизнь» матери-Родины? Может, потому что она жертвует своим личным счастьем ради счастья детей? Во всяком случае история доносит до нас такие свидетельства: ... *молчание народа, служба для царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердцах россиян: они уже не любили Бориса!* [Карамзин 1988: 702 –703].

Что изменилось бы и изменилось бы вообще, если бы вместо метафоры *Родина-мать* мы использовали *Родина-отец* подобно немецкому *Vaterland* «отечество, родина, отчизна»? Этот вопрос мы задали молодым россиянам (студентам УрГПУ). Ответы были самые разнообразные: от «пришлось бы переделать памятник» до «тогда бы она нас защищала», «мы бы были больше защищены», «обеспечены» и пр. Сказывается ассоциативная сема слова «отец» – *заботящийся о материальном достатке семьи, защищающий членов своей семьи, глава семьи: «Если Родина – мать, то я должна защищать ее, а если отец – то он меня»; «У России нелегкая женская судьба: не везет ей с мужиками, нет в доме хозяина»; «Этим мы от немцев и отличаемся: их воспитывал отец, сразу видно разницу в воспитании, поэтому они никогда никуда не опаздывают»; «Жили бы мы богаче»; «Как сказать: наши мужики сейчас все сидят на шеях у женщин, а они все терпят – лишь бы не пил»;*

«Мать, она никогда не бросит». Как видим, носители языка напрямую связывают свою судьбу с метафорическим образом. Срабатывает генетическая и историческая память.

Каким образом будет развиваться ситуация? Во всяком случае, сценарий в общественном сознании, зафиксированный как опыт, уже имеется: *В пятницу, 17 февраля, открылась в Кремле дума земская, или государственный собор ... Казалось, что все ждали одного: как сироты, найти скорее отца – и знали, в ком его искать* [Карамзин 1988: 680]. Успех политических и социальных преобразований в стране зависит и от того, как скоро наша семья станет полной, насколько комфортно существовать в этой семье будет каждый из его членов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Академия, 1995. – 420 с.
2. Гюнтер Ханс «Сталинские соколы» (Анализ мифа 30-х годов) // Вопросы литературы. №11-12. С. 122-141.
3. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарева Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
4. Карамзин Н.М. Предания веков / сост., вступ. ст. Г.П.Макогоненко; комм. Г.П. Макогоненко и М.В.Иванова. – М.: Правда, 1988. – 768 с.

© Багичева Н.В., 2008